

НИНА
СТОЖКОВА
Женский детектив

**НАЖИВКА
ДЛЯ ФОТОГРАФА**

Ну и шуточки у судьбы!
Она всегда прячет в рукаве
карту черной масти...

Нина Стожкова

Наживка для фотографа

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=583635

Наживка для фотографа: Центрполиграф; М.; 2008

ISBN 978-5-9524-3730-2

Аннотация

Лиза Рябинина с детства была на вторых ролях. Все самое лучшее доставалось ее старшей сестре Леле: и внимание родителей, и блестящая музыкальная карьера, и эффектный кавалер – скрипач Антон, о котором Лизе оставалось только мечтать. Однажды обиженная несправедливостью девушка взбунтовалась, и с ее легкой руки в одну из «желтых» газет попало фото обнаженной Лели, якобы сделанное Антоном. Бездумная шалость не только разрушила отношения, вызывавшие Лизину зависть, но и увлекла незадачливую интриганку за кулисы криминальной драмы, участие в которой оказалось опасно для жизни...

Нина Стожкова

Наживка для фотографа

– Я не могу спать одна. Мне страшно.

Смуглая тоненькая девушка и высокий молодой человек отпрянули друг от друга, словно между ними пропустили заряд в двести двадцать вольт. Смуглянка поправила соскользнувшую бретельку кружевной сорочки, парень надел очки, оба оглянулись на дверь. В черном дверном проеме появилась юная, очень хорошенькая девушка. Ее длинная ночная рубашка белела в ночи, как одинокий парус. Было ясно: дева ищет бури. Ее знобило, она обхватила плечи тонкими руками, босые ноги замерзли. Красавица, похожая на привидение, припав к дверному косяку, вздыхала и скорбно молчала. Ну просто лесная царевна из сказок братьев Гримм! Роскошные распущенные волосы в полумраке казались совершенно белыми. К ногам жался фокстерьер, поглядывал на парочку в комнате с немым укором. Мол, извините, граждане, что мы к вам обращаемся, мы сами неместные... Девушка тоже молчала и терпеливо ждала. Первым не выдержал юноша:

– Конечно, Лизок, лети на огонек. Нам так тебя не хватало! Ты просто наш ангел-хранитель! Как раз вспоминали с Лелей тот случай. Помнишь, в третьем классе ты так мило хлопнула ее по пальцам крышкой рояля? Пальчики Лели тогда посинели, распухли, и все боялись, что на карьере пиа-

нистки придется поставить крест. Такой забавный эпизод из жизни милой маленькой девочки...

– Вы что, до пенсии мне это припоминать будете? Ну да, было. Всего один раз – и то нечаянно, а извинялась раз двести. – Лиза захлюпала носом и заявила: – Хотите, я вообще уйду из этого дома? Моего дома, между прочим! Вот возьму и исчезну прямо сейчас, только пальто на ночнушку наброшу. Поселюсь с бомжами на вокзале, научусь воровать и отдаваться за бутылку. Вы этого хотите, да?

Лиза потерла одной босой ногой о другую и вдруг громко закашлялась.

– Ну, входи уже, а то заболеешь, дурочка! – наконец подала голос Леля.

Эти слова прозвучали не раздраженно, скорее, по-матерински заботливо. Этого-то Лиза и ждала. Значит, сестра уже не сердится и действительно можно войти.

Лиза шагнула в комнату, ее кудрявые волосы под светом лампы вдруг приобрели необыкновенный теплый медовый цвет, а высохшие глаза зеленовато блеснули, как у кошки.

– Немедленно ложись на диван и укройся пледом, дрожишь вся. Горе мое! – вздохнула Леля и нестрого скомандовала: – Быстро гаси свет, всем завтра рано вставать.

Одновременно старшая сестра почувствовала, как поле взаимного притяжения, только что возникшее между ней и Антоном, исчезает. И виной всему – появление Лизы. Леле стало грустно. Зато хитрая Лиза в душе ликовала. «То-

то же, – думала она, с наслаждением укутываясь пушистым пледом. – В конце концов, я им тут не приживалка, эта парочка обязана считаться с моими чувствами». – «И капризами», – услужливо подсказал внутренний голос. «А хотя бы и капризами», – мысленно согласилась с настырным моралистом Лиза и мгновенно забылась счастливым сном.

Неудивительно, что наутро работа волновала Антона меньше всего. Леля и Лиза, белый и черный лебеди его жизни (внешне все выглядело как раз наоборот: Леля была брюнетка, а Лиза – блондинка) заставляли его, как балетного принца, тосковать и метаться. Какого черта эта смешная девчонка, как черная лебедь Одилия, всегда встает между ними? Кажется, малышка не дура, должна бы за столько лет сообразить, что он любил, любит и всегда будет любить ее старшую сестру. Однако душевные метания «принца» были совершенно неинтересны окружающим, а заваленный газетами, заставленный папками и коробками с CD-дисками редакционный кабинетик меньше всего походил на балетную сцену. К тому же единственная соседка Антона по кабинету была слишком погружена в собственные заботы. Крупная (во всех отношениях) кинокритикесса Алла Матвеевна уже три месяца голодала по модной диете доктора Зайцева, загадочно связанной с группой крови. Наверное, поэтому в глазах ее стоял постоянный голодный блеск. Алла Матвеевна таяла на глазах, и коллеги сплетничали: мол, она столько за-

платила модному столичному диетологу, что худеет только от одной мысли о безвозвратно утерянных денюжках. Алла Матвеевна приносила на службу банки с салатами из травок, подозрительно напоминавших сорняки, приправляла их оливковым маслом и поела в определенные часы с нескрываемым отвращением. Под столом у нее с некоторых пор поселились древние напольные весы, время от времени дама взгромождалась на них со вздохами и скорбным ожиданием приговора. Сослуживцы злословили: рано или поздно Алла Матвеевна перейдет к каннибализму. В самом деле, интервью, эссе и статьи критикессы с каждым днем становились острее и беспощаднее. Она срывала маски с продажных жрецов искусства и обнажала язвы отечественного кинематографа. Для читателей и почитателей Аллы Матвеевны было очевидно: последние три месяца российское кино пребывает в глубочайшем кризисе. Кинобарракуда – самое ласковое из прозвищ, которыми награждали Аллу Матвеевну мастера экрана, чьи косточки она обглаживала и перемывала с нескрываемым наслаждением.

Антон развернул бутерброд, заботливо приготовленный Лелей, и в глазах Аллы Матвеевны блеснул неподдельный интерес.

– Фу, Антон, какая гадость! – сказала она, стараясь побороть противное чувство голода, которое с утра подтачивало нервы. – Как люди вообще способны есть такое... Сплошной холестерин, красители и куча консервантов. Кто же это за-

ворачивает вам по утрам всю эту химию?

– Одни золотые ручки, – честно признался Антон. – Если бы мы жили в Америке, эти музыкальные пальчики, пожалуй, были бы застрахованы на миллион долларов.

– Ну а сахар-то в чай, как я вижу, вы сами себе кладете? – продолжала негодовать Алла Матвеевна. – Прекратите! Это белая смерть! Мы с моим Иваном Варфоломеевичем полностью перешли на здоровое питание. Месяц назад мой дружок наконец согласился, что мясо – яд, и теперь покупает в дом только рыбу и овощи. Ну а в день получки у нас праздник, едим морепродукты.

Иваном Варфоломеевичем звали спутника жизни золотого пера. Он служил страховым агентом, а в свободное время бегал по рынкам и супермаркетам, обеспечивая даме сердца низкокалорийный рацион. За это гражданская супруга позволяла ему вести безбедную жизнь и быть вхожим в элитную тусовку немолодой столичной богемы.

Алла Матвеевна еще немного поотвлекала Антона от сокровенных мыслей и вышла. Молодой человек остался в комнате один. Теперь никто не мешал ему злиться на Лизу и тосковать о возлюбленной. Антон с нежностью вспоминал, как пахнет ее кожа, как необычно звучит голос девушки в секунды близости. Он, как любой влюбленный юноша, смотрел на окружающий мир через магический кристалл страсти и замечал его лишь тогда, когда в кристалле отражались Он и Она – Антон и Леля.

На этот раз не без усилий Антон сумел справиться с собой и мысленно спрятал «кристалл» в карман. Лишь тогда он смог ненадолго углубиться в текст на экране компьютера. Вообще-то Антон Смирнов был из редкой породы счастливых, обожавших свою работу. Журналистика была его хлебом и хобби одновременно. В студенческие годы Антон даже удивлялся тому, что ремесло газетного репортера кое-где недурно оплачивается. В то время он готов был и без гонора мчаться на место происшествия, чтобы первым передать материал в родную газету. А сейчас Смирнов брал для газеты актуальные интервью у известных людей и получал от пинг-понга вопросов-ответов настоящее удовольствие. По обрывкам фраз, даже по молчанию ньюсмейкеров он научился угадывать ход дальнейших событий и надеялся в самом скором будущем перейти к газетной аналитике. А пока перетирал в курилке свои и чужие версии, обсуждал на шумевшие «подвиги» местных папарацци с такими же веселыми, шустрыми и безбашенными молодыми репортерами.

Антон работал в популярной газете «Остров свободы», причем в отделе новостей, и жесткий ритм жизни, а главное, постоянная смена «картинок» перед глазами не на шутку заводили его. Частенько – даже заряжали энергией после бессонной, как в этот раз, ночи. Он уже не понимал, как мог когда-то мечтать о карьере музыканта. Пиликать часами на скрипке, зная, что Паганини из тебя все равно не выйдет, – нет, это удовольствие не для него. Другое дело – жизнь за

окном. Манящая, жесткая, иногда страшная, а чаще смешная... Антон словно купался в ее приливах и отливах, осознавая себя ее участником и летописцем. Вот и сегодня он окончательно проснулся, обнаружив, что к нему приближается фотокор Ленка Кузнецова. Придется отложить грезы до вечера. А может, и не грезы? Как хочется увидеть Лелю... Однако сейчас перед ним стояла Ленка. Девчонка типа «свой парень», полная противоположность романтической и сдержанной возлюбленной. Вид у Ленки был взъерошенный и подозрительно таинственный. Антон мысленно сделал стойку, словно гончая, почуявшая дичь. Видно, девчонка что-то опять нарыла и хочет подбить его на очередную авантюру. Так, надо поскорее все разузнать и рвануть с ней на съемку, не то коршуны из отдела сенсаций вмиг перехватят жареную тему.

В газете издавна существовало негласное соперничество между отделами новостей и сенсаций, силы были примерно равными, и перевес оказывался по очереди то на одной, то на другой стороне. Как раз недавно «скандалисты», как дразнили их «новостники», здорово переиграли коллег, поймав одну из звезд поп-музыки в штаб-квартире некой партии с сомнительной репутацией. С тех пор «новостники» мечтали сделать ответный ход. Похоже, сейчас Антону мог представиться шанс...

– Привет, Смирнов, – поздоровалась Ленка нарочито равнодушно и пригладила пятерней рыжие вихры, выбивающи-

еся из задорной мальчишеской стрижки. – Классно зашифровался! Ну просто репортер-оборотень!

На ехидной Ленкиной мордашке даже веснушки покраснели от смеха. Она изо всех сил старалась сдерживаться, напустив непривычно серьезный вид. По чертикам в ее желто-чайных глазах Антон понял: Ленка приготовила «бомбу».

– В смысле? Почему оборотень? – не понял Антон.

– А в том смысле, что мой хлеб отбираешь. Да и «скандалистов» ты здорово обошел на повороте, «новостник» ты наш, затейник!

– Какой такой хлеб? – опешил Антон и окончательно проснулся. – Я не использую запрещенные приемы. О чем ты, Кузнечик?

Он уставился на Ленку непонимающими глазами и заметил, что девушка что-то прячет за спиной.

– Ну-ка, покажи! – потребовал он.

– Это ты должен был мне вначале показать снимки, чтобы не позорить гордое звание папарацци! – возмутилась Ленка. – Кто сейчас так снимает, Смирнов! Отстой! Эти карточки еще лет двадцать назад у тебя ни в одно приличное место не взяли бы. А сегодня, в эпоху цифровиков и фотошопов, они смотрятся просто кошмарно! Невооруженным взглядом видно, что их дорабатывали на компьютере. Хоть бы свою фамилию не ставил, не позорился!

– Какую фамилию? – искренне удивился Антон. Ленкин секрет начинал ему все меньше нравиться. Похоже, в их ре-

дакции завелись интриги покруче, чем в оркестрах. Он не раз слышал в юности, как оркестрантам подменяли партитуру, но чтобы фамилию под фотографиями подставили...

– Ну, знаешь... Я наивно думала, что между своими не должно быть вранья. – Ленка перестала улыбаться, глаза ее вдруг потемнели, превратясь из желто-рысых в светло-кофейные. – Мы же не пиарим друг друга, а работаем в связке. Ладно, Тош, все равно ты не Машков, не Миронов и не Панин. Хорошо придуриваться! – И Ленка, потеряв терпение, протянула парню смятую газетную полосу. – На, полюбуйся, снимала несчастный!

С газетной полосы на Антона смотрела... Леля.

Антон снял очки. Достал носовой платок, протер сначала стекла, а потом лоб, внезапно ставший влажным. Не может быть! Ерунда какая-то! Чушь собачья. Откуда у них фотография Лели? Тем более – такая...

Девушка лежала, вольготно раскинувшись на смятых простынях, и загадочно улыбалась. Она была обнаженной и прекрасной. Антону показалось – не хуже, чем знаменитые красавицы – Венера, Даная или Оливия, запечатленные на полотнах великими мастерами. Леля была слишком хороша для этой гнусной желтой газетенки. Антон прочитал подпись под снимком и обомлел.

«Звезды в неожиданном ракурсе. Известная молодая пианистка Ольга Рябинина». Ни фига себе цинизм! Эти желтые газетенки уже и за классических музыкантов взяли. Ну

да, остренького захотелось, на контрасте, так сказать, поработать. Мол, небожительницам тоже не чужды земные радости. И тут его взгляд упал на подпись под снимком: «Фото Антона Смирнова».

– Это не я, – прошептал Антон, и на шее у него вздулась синяя жилка, а на щеках заиграли желваки.

– Ты опять за старое? – удивилась Ленка. – Ну ладно, Тош, игра затянулась, как диета Аллы Матвеевны, мне уже не смешно.

– Слушай меня внимательно. – Лицо Антона вдруг сделалось чрезвычайно серьезным, а насупленные брови сдвинулись к носу... Смирнов надел очки и в упор посмотрел на Ленку. – Я никогда, слышишь, никогда в жизни не напечатал бы ничего подобного без Лелиного разрешения. Эта девушка слишком дорога мне. Понимаешь, Кузнечик, меня кто-то подставил. Самое страшное, что Леля, скорее всего, поверит в то, что это моих рук дело. И никогда не простит. Уж я-то ее знаю.

– Да ладно, простит, не парься. Что с вас, кобелей, взять, – комично копируя продавщиц на рынке, затараторила Ленка и внезапно осеклась... – Я бы, Тош, наверное, тоже не простила. Разве можно простить предательство? Особенно когда тебя используют. Впрочем, сейчас речь не обо мне. Кто же этот... – Ленка на глазах подобралась, ее симпатичное личико заострилось, веснушки слились в какие-то тигриные полосы, а желтоватые глаза жестко сузились. В дев-

чонке проснулся врожденный репортерский инстинкт, инстинкт охотницы. А еще – любительницы головоломок, перевертышей и скандальных разоблачений. – Кто же этот гад? Тут одно из двух, Тош. Только ты, ради бога, не лезь в бутылку и не обижайся. Либо твоя небесная королева спит с кем-то кроме тебя и этот «кто-то» не имеет совести, зато имеет доступ к желтой прессе, либо... Впрочем, второе «либо» я пока не додумала, – сказала она растерянно.

– Либо ее сфотографировал не любовник, а некто, подловивший ничего не подозревавшую Лелю в номере, например на гастролях, – предположил Антон.

– Что ж, если ты даешь добро, я, пожалуй, этим займусь, – предложила Ленка равнодушным голосом. – Ты же знаешь, журналистское расследование – мой конек.

– Нет, Кузнечик, что-то ты чересчур легка на ногу, – грустно вздохнул Антон и невольно скосил глаза на стройные ножки подружки по цеху, затянутые в узкие джинсы и упакованные в кроссовки. – Для начала я должен сам все выяснить у Лели.

– Эх, Антон, Антон! Так она тебе и скажет правду! Я, например, ни за что не призналась бы в измене, даже если бы меня поджаривали на медленном огне! – выпалила Ленка.

– погоди, Кузнечик, раскаленные сковородки нас ждут чуть позже – на том свете! Боюсь, в рай журналюг не пускают. Разве что ведущих телеканала «Культура». – Антон попытался улыбнуться, однако улыбка у него вышла какой-то

жалкой и неискренней.

– Ну что ж, когда понадобится, свистни, а пока – пока! Опаздываю на съемку, – с деланным равнодушием сказала Ленка и ехидно добавила: – Кстати, газетку дарю на память. – Всучив оторопевшему Антону «Скандальную газету», чумовая девчонка резко развернулась и помчалась по коридору...

Когда Антон впервые появился в их доме, сестры Рябиныны уже не помнили. Казалось, он был здесь всегда. Как поцарапанный кабинетный рояль в углу гостиной, под которым девочки когда-то играли и укладывали спать кукол. Как мамин портрет над ним. Или как могучий тополь за окном. В седьмом классе Лиза притащила щенка. Она всегда тянула в дом разную живность, что вызывало неизменные скандалы с сестрой. Вот и в этот раз Леля вспылила:

– Мне надо заниматься по три часа в день, а этот Лизкин зоопарк не дает сосредоточиться. Вы, родители, наконец определитесь, что важнее: ее капризы или моя музыкальная карьера.

Родители молча переглянулись, вышли из комнаты, и щенок понял, что остается. На радостях он сделал лужу.

Лиза нежно прижимала малыша к себе. Всего несколько минут назад белый дрожащий комочек с трогательным рыжим пятном на ухе ей передал на лестнице Антон. Парень отказался заходить в квартиру, чтобы избежать объяснения с родителями девушек. А главное – избежать объяснения с

Лелей. И Лиза, спрятав малыша под пальто, появилась дома как ни в чем не бывало. Расстаться с подарком Антона ее не заставили бы никакие сокровища мира. На Тошку (щенка, конечно, она назвала в честь Антона, хотя ни за какие блага мира не призналась бы в этом) Лиза перенесла всю свою детскую любовь к приятелю старшей сестры. И щенок, хитрюга, отлично понял, кто теперь его хозяйка. С тех пор он слушался только младшую Рябинину, а на прогулках защищал ее так отчаянно, что Лизе впоследствии даже пришлось пройти с ним курс дрессировки.

Тогда, много лет назад, Леля разозлилась не на шутку. Ну почему, почему родители к ней всегда так строги, а любым капризам младшенькой охотно потакают? Вот и в тот раз предки, как обычно, переглянулись и поспешили выйти из комнаты. Их уход означал примерно следующее: «Нет уж, увольте! Разбирайтесь, девочки, сами. Вы такие разные, что на вас не угодишь».

И вправду, они были разительно не похожи. Лед и пламень, черненькая и беленькая, мечтательница и хохотушка. Ну просто пушкинские сестрички Ларины! Знать бы заранее, какими дочки вырастут, может, более подходящие имена бы подобрали. Старшую, Лелю-Ольгу, впору было бы каким-нибудь более строгим именем назвать. Например, Татьяной. Темненькая и серьезная, вся в мать. Да и младшей, унаследовавшей от отца светлые пышные волосы и легкий

характер, сентиментальное имя Лиза не очень подходило: у веселой непоседы с детства не хватало терпения выговаривать по слогам длинное слово «Е-ли-за-ве-та». Она быстро поняла, что может привлечь к себе внимание старших только проказами и капризами, и охотно пользовалась этим. Впрочем, если родители и отвлекались на нее, то ненадолго. Все их внимание было устремлено на старшую дочь. На Ольгу было потрачено столько сил, надежд и стремлений, что на младшую их почти не осталось. Во всяком случае, воспитанием Лизе родители особенно не досаждали, и та наслаждалась своей детской жизнью. Другое дело – Леля. У нее и детства-то настоящего не было. Ольге суждено было воплотить в жизнь несбывшиеся амбиции и мечты родителей и стать выдающейся пианисткой.

Родители Рябинины играли в прославленном симфоническом оркестре, мать на флейте, отец на виолончели, оба слыли неплохими музыкантами. Однако сольная карьера не сложилась ни у того ни у другой. Творческое самолюбие было уязвлено. Оставалось уповать на детей. К радости родителей, у старшей оказались абсолютный слух и прекрасная музыкальная память. А главное – мамина работоспособность.

Однажды, стоя в манеже, Леля пропела мелодию из «Лебединого озера», случайно услышанную по радио. Родители, не поверив своим ушам, попросили кроху повторить. Она повторила тему, не сфальшивив ни на четверть тона. Родители были счастливы. С тех пор Леле в комнате постоянно

включали классику. Первый концерт Чайковского она услышала в год, вальсы Шопена – в два, а дальше покатило по нарастающей. Любую мелодию дочка схватывала с ходу. Родители поглядывали на чудо-ребенка с тайной гордостью и ставили перед ней все более сложные музыкальные задачи. А Леля решала их так легко, словно кто-то свыше диктовал ей ответы.

С ней стали всерьез заниматься музыкой. Вначале мама, потом – лучшие педагоги столицы. Музыкальные способности Лели терпеливо развивали и лелеяли. «Кому много дано, с того много спросится», – приговаривала мама, проверяя у дочки домашние задания по сольфеджио или заставляя в сотый раз повторять трудный пассаж. К старшей дочери мать была неизменно строга. «Для твоего же блага», – объясняла она малышке, когда та, ожидая родительской похвалы, проигрывала трудное место снова и снова, а в ответ получала очередные замечания. Даже отец, любивший попить пивка с друзьями, посмотреть футбол и потравить анекдоты, со старшей предпочитал толковать о музыке и музыкантах. Свободное время должно было работать на будущее Ольги Рябининой.

В семь лет Леля выступала на сцене прославленного концертного зала. В десять солировала с оркестром, в котором служили мама и папа. Серьезная худенькая девочка с бантом властвовала над залом и заставляла замирать и восхищаться уставших взрослых, пришедших на концерт после работы.

– Кто знает, может, когда-нибудь мы составим семейное трио, – мечтали порой родители.

Когда родилась Лиза, кто-то из друзей дома пошутил:

– Теперь у вас будет даже не трио, а семейный квартет. Вот Лизу на скрипке выучите – и всей семьей на сцену. А что, звучит: «Квартет Рябининых»!

Лиза подрастала, родители ждали от нее тех же чудес, что и от старшей сестры. Но судьба – капризная дамочка... Она неожиданно посмеялась над Рябиниными. В то далекое воскресенье вся семья завтракала. По радио звучали детские песни. И Лиза, сидя на маленьком стульчике, в первый раз подхватила немудреную мелодию:

С голубого ручейка начинается река...

Леля приснула. Родители молча переглянулись. Они были потрясены. Вот это да! У младшей Рябининой полностью отсутствовал музыкальный слух.

Лиза поняла: что-то не так. Она на всякий случай заревела, потом обиженно замолчала. Словом, с того дня младшая Рябанина старалась не петь в присутствии сестры. Лет в шесть ее тоже устроили в музыкальную школу. Правда, не в ту, знаменитую, центральную и блатную, куда ходила Леля, а в обычную районную, где преподавала игру на фортепьяно мамина подруга Магдалина Георгиевна.

– Пусть вырастет хотя бы музыкально образованным че-

ловеком, – постановили подружки на совещании, проходившем на кухне Рябининых и плавно перетекшем в легкий пир, точнее, в дружеское распитие кофе с ликером и пирожными. – Дай бог, хоть немножко музыкальный слух девочке разовьют – и то ладно...

С тех пор родители особенно не наседали на Лизу. Бедная девочка! Ей не дано было в полной мере насладиться музыкальным творчеством! Таких детей мама и папа Рябинины жалели, словно они были с пороками развития и учились в школе коррекции. Что ж, раз ребенку не светит музыкальная карьера, пусть себе играет с подругами или заводит домашних любимцев. Коль скоро у нее не будет радости творчества, пускай хотя бы останутся банальные обывательские радости.

Родители не слишком огорчились, когда дочь заявила, что бросает музыкалку. Что ж, природу не обманешь. Лиза записалась в клуб юных биологов при зоопарке и сделалась абсолютно счастливой. Среди кроликов и черепах, в обществе таких же зверолюбивых восторженных юннатов, ей было гораздо уютнее, чем среди чопорных любителей классической музыки и замороченных постоянным поиском заработка музыкантов.

«Что ж, звери так звери, лишь бы не бездельничала», – решили родители и окончательно смирились с домашним зверинцем.

Тошка стал главным любимцем Лизы. Все, что было свя-

зано с Антоном, всегда казалось ей самым важным в жизни. Ни кот Винни, ни белый крыс Фофан не могли конкурировать с бесценным подарком лучшего мальчика на свете. Когда фоксика разрешили выносить на улицу, Лиза стала гулять с ним после школы. Обычно она старалась держаться возле подъезда, втайне надеясь встретить Антона. Как правило, ее мечта сбывалась. Но, увы, лишь наполовину. Молодой человек, весело кивнув забавной малявке и потискав плюшевого тещку, стремительно влетал в подъезд. Лиза знала: он спешит к Леле. Антон учился в той же самой знаменитой музыкалке, что и старшая сестра, играл на скрипке, и после занятий ребята часто занимались вместе.

Время летело стремительно, Лиза подросла, Леля с Антоном перешли в выпускной класс. В тот год по программе у них был дуэт для скрипки и фортепьяно. Лиза и Антон выбрали для экзамена божественного Шуберта. Однако музыка, которая неслась в дневные часы из их квартиры, была отнюдь не той прелестной мелодией, которая звучит на концертах. Мурашки порой пробегали по коже невольных слушателей, как если бы кто-то водил ножом по стеклу. Соседи частенько жаловались родителям девочек: днем приходится уходить из дому, с вашими юными дарованиями можно с ума сойти.

– «Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко», – пела тогда мама и взывала: – Друзья! Давайте будем терпимее! Надо же молодым людям где-то заниматься музыкой! Вы же

тоже чему-то когда-то где-то учились!

Назавтра мама звонила в дверь к соседям, держа в руках блюдо с домашним пирогом, благоухающим яблоками и корицей...

У Лизы тоже порой мурашки пробегали по коже от резких звуков скрипки Антона и заплетающихся на трудных пассажирах пальцев Лели. Впрочем, никто ее не заставлял их слушать. Вот и гуляла бы себе на свежем воздухе, пока юные дарования обрабатывали очередной пассаж.

Так нет же! Обычно она возвращалась домой минут через десять после того, как юный гость исчезал в их подъезде.

Лиза знала: входить в комнату к Леле, пока там идет репетиция, нельзя. И все-таки не было дня, чтобы она не просачивалась туда под разными предлогами. То взять учебник, предусмотрительно забытый вчера у рояля, то полить цветы или достать собачий мячик, закатившийся утром под диван.

Леля обычно делала вид, что не замечает сестренку, и продолжала играть. Ей трудно было вынырнуть из мира звуков, который окутывал ее, как кокон, внутри которого она чувствовала себя гораздо увереннее, чем в скучной реальности. Другое дело – Антон. Радуюсь малейшей возможности отвлечься, он строил младшей сестре уморительные рожицы или старался незаметно погладить кого-нибудь из Лизиних любимцев, хотя Лизе это обычно не нравилось. Мальчик не был так поглощен музыкой, как его талантливая одноклассница, эта странная девочка с темными волосами и шоколад-

ными глазами. Антон с нетерпением ждал любой внеплановой паузы, потому что она обещала заветную передышку от надоевших пассажиров и вариаций.

Однажды, уже во время выпускных экзаменов, Лизу поразила воцарившаяся в комнате Лели тишина. Младшая сестра осторожно отворила дверь и вошла. Лели за роялем не было, скрипка Антона сиротливо лежала на стуле. Где же они? Лиза услышала шорох и обернулась. Леля и Антон целовались в углу за шкафом, и даже ее внезапное вторжение не смогло отлепить их друг от друга. Леля упиралась в стену босой ногой, алая тапочка отлетела в сторону, а Антон обнимал ее со всей пылкостью семнадцати лет, покрывая худую бледную шею и лицо поцелуями. Лиза вспыхнула, закричала: «Ну, это уже бог знает что такое! Устроили тут дом свиданий... Дураки!» – и выбежала из комнаты, зарыдав и хлопнув дверью.

С тех пор она выходила гулять со щенком на час раньше, чтобы не встречаться с Антоном. Раз он такой предатель, то не заслуживает не только любви – даже дружбы. Забыть, забыть его как можно скорее! Жаль, Тошка привык к своему имени, а то бы Лиза и его переименовала. Такого человека для нее больше не существовало. Антон еще пожалеет, да! Блондинки, прочитала Лиза в каком-то глянцево-женском журнале, всегда выигрывают в глазах мужчин по сравнению с брюнетками. Тем более блондинки, которые на целых пять лет моложе. А брюнетки... Этот парень, бедняжка, не знает,

что у Лели он вечно будет на втором месте. После музыки. Даже самая большая любовь не заставит сестру отказаться от музыкальной карьеры. Никогда. Это все равно что отречься от собственной руки или ноги...

Так думала Лиза тогда, семь лет назад, размазывая по щекам слезы. И, как ни странно, обиженная влюбленная девочка оказалась права. Леля поступила в консерваторию, и ее роман с Антоном как-то сам собой сошел на нет: времени у подающей надежды пианистки отныне хватало только на музыку. Она с блеском училась, победила в международном музыкальном конкурсе, и сразу же после выпуска ее приняли на работу солисткой филармонии. Леля активно концертировала в России и в Польше, закрутила роман с дирижером, состоявшим к тому моменту в третьем браке. А Антон... К удивлению педагогов, поступать в консерваторию он передумал и через год стал студентом факультета журналистики престижного столичного университета.

– Видите ли, девочки, – признался он однажды летним вечером Леле и Лизе – я вдруг понял, что в музыке всегда найдется кто-то, кто талантливее меня. Первым скрипачом в классе, как, допустим, Леля пианисткой, я никогда не стану. И в солисты меня не возьмут, при нынешней-то конкуренции. К чему тогда все эти утомительные занятия, отказ от радостей жизни? Чтобы стать пятой скрипкой в каком-ни-

будь провинциальном оркестре? А потраченные в музыкалке годы... Нет, я ни о чем не жалею. Во-первых, я там познакомился с подающей надежды солисткой филармонии красавицей Ольгой Рябининой. И с ее младшей сестренкой, будущим ветеринарным врачом, симпатичной Елизаветой Рябининой.

Троица уютно устроилась на просторной кухне. Пили холодное красное вино, закусывали клубникой с мороженым, вспоминали детство. С недавних пор Леля и Лиза жили вдвоем в просторной арбатской квартире. Родители решили, что большую часть жизни все равно проводят на гастролях, а дочкам надо личную жизнь устраивать, и съехали в квартиру одной из бабушек, ушедших к тому времени в мир иной. Девочки постарались в новом-старом жилище все устроить по своему вкусу, но рояль с портретом оставили для Лели. Семейные реликвии придавали сестрам уверенность в будущем в той незнакомой и враждебной жизни, где предстояло всего добиваться самим. Антон стал одним из их первых гостей, Лиза чувствовала себя взрослой хозяйкой. Она без конца угощала их общего друга, смеялась, произносила тосты. Ей ужасно хотелось произвести на юношу впечатление своей домовитостью. Но он смотрел только на Лелю, грустно сидевшую в уголке. Наконец вино ударило кавалеру в голову. Он резко встал, церемонно раскланялся и поцеловал девушек по очереди руки.

– А во-вторых, – продолжил Антон, – в музыкальной шко-

ле я научился по-настоящему слушать и понимать музыку. Знаете, это тоже неплохо. Даже приятнее, чем исполнять ее. Словом, девушки, теперь я знаю: лучше в жизни иметь массовую специальность, где всегда в цене мастерство, а особых талантов не требуется, чем вечно зависеть от капризов фортуны, завистников, моды и так далее.

– Ну, не скажи! – возмутилась Лиза. – Таланты везде нужны. Я, например, в ветеринарке ассистирую. Кастрация котов и так далее. Так вот, у нас все знают, у кого руки из нужного места растут! Один врач так сделает операцию, что у животного все швы как по волшебству заживают, а другой зашьет, как плохой портной, потом хвостатого пациента долечивать приходится. Тошка, иди ко мне! – позвала она любимца. Тот не заставил себя ждать. – Вот смотрите, какие у нас бархатные ушки! Ну, стой же смирно, дурачок! Антон, видишь шов?

Не видишь? То-то же! Я зашивала. А ведь тогда Тошеньку так бультерьер порвал, от уха одни лохмотья остались. А еще, помню, делала я укол ротвейлеру...

– Кастрировала, наверное? И он тебя не съел? – подначил Антон.

– Попробовал бы! У меня и лев будет как шелковый лечиться.

– Ты, Лизок, и с мужчинами, наверное, так же? – рассмеялся приятель. – Типа «Ко мне, сидеть, голос!».

– Нет, я смогла бы стать настоящей Душечкой, ежели бы

только захотела, – сказала Лиза и скосила глаза на Антона. Но тот не обратил внимания на ее нехитрый маневр. – Я смогла бы говорить: «Да, дорогой, нет, дорогой, как хочешь, милый...» Но, честно говоря, вряд ли такое когда-нибудь случится, – уточнила Лиза. – Если только найдется кто-нибудь сильнее меня. Полностью раствориться в любимом, уничтожить себя как личность... По-моему, ни один мужик таких жертв не заслуживает, будь он хоть принцем крови, – решительно заявила девушка. – Вот Тошка принимает меня такой, какая есть, и не требует, чтобы я лаяла или бегала на четвереньках...

– Надо же, хитрый кобелина, потакает девичьим слабостям и выжидает момент, как истинный мачо! – развеселился Антон.

– Ладно, народ, вы тут дальше беседуйте, вспоминайте детство. А нам с Тошкой гулять пора. А еще надо заглянуть на прививки в клинику. Скоро не ждите!

И Лиза, демонстративно схватив поводок и подозвав запрыгавшего, как мячик, Тошку, со стуком захлопнула за собой дверь.

Леся мечтательно смотрела в окно, за которым, презрев арбатский смог, буйно цвела старая липа.

«Липа цветет за окном городским, душу соблазном мутит колдовским», – вспомнила она чьи-то стихи и вздохнула.

Медовый аромат вливался в квартиру, мешался с запахом

кофе, который девушка сварила по-варшавски, с молоком. Запах клубники, ее роскошное благоухание дополняли дивную душистую палитру. Леля вспомнила давнее лето, подготовку к экзаменам, их детскую любовь с Антоном. Боже, как давно это было! Было – да сплыло. Ну почему у нее все романы случаются летом? Может, в зимние дни солнца мало и чувство не успевает набрать силу, как домашние цветы? Зато летом... Она вдруг ясно представила знойную Варшаву, Кшиштофа в светлом льняном костюме, их прогулки по Старе Мясту в перерывах между репетициями. Ей вдруг показалось – нет, она явственно услышала любимый вальс Шопена, который исполняла, наверное, сотни раз. Услышала со всеми нюансами, паузами и оттенками. Музыка тронула какие-то тайные струны ее души, заставив против воли вспомнить даже то, о чем думать было слишком больно. Поспешные объятия Кшиштофа в отеле, когда они оба вздрагивали при малейшем шорохе за дверью, его мокрые волосы после душа, капельки пота, выступившие у него на спине. Предательские царапины, которые почему-то оставили на его плечах Лелины ногти, профессионально коротко подстриженные. Потом вдруг, без всякого перехода, она вспомнила его потерянный вид на вокзале, их официальный поцелуй в щеку при прощании. И как у нее выпал из рук билет, а жаркий ветерок понес, закрутил его, едва не бросив под колеса состава. Целый год прошел, после этого были десятки выступлений в разных городах и странах, куча поклонников,

букетов и записок. А она все вспоминала это прощание на вокзале. Вернее, не могла забыть. «Наверное, во всех поляках есть нечто такое, магнетическое и страстное. Взрывная смесь буйной славянской душевности, польской спеси и европейского лоска, – порой думала девушка. – Вот ведь, влюбилась же когда-то Жорж Санд, успешная французская писательница, у которой отбоя не было от воздыхателей, в гениального, но капризного и больного Шопена... И возила его за собой, умирающего, на испанский остров, оставив любимый Париж, и терпеливо лечила, и восхищалась им, и прощала все капризы, и мирилась с недовольством собственных детей. А я, а Кшиштоф...»

Однако Кшиштоф был далеко. Его черты даже слегка стерлись в памяти. Зато напротив сидел вполне реальный друг детства Антон. Из плоти и крови, любящий ее всю жизнь. Красивый, загорелый, в новой модной рубашке и джинсах, ловко обтягивающих мускулистые ягодицы и длинные стройные ноги. Антон за последний год очень возмужал, раздался в плечах, очевидно, теперь, когда с музыкой было покончено, у него появилось время и на спортивный клуб, и на многое другое. «Наверное, и на девушек...» – неожиданно для себя подумала Леля с ревностью.

– Знаешь, я иногда вспоминаю наш детский роман, – вдруг сказал он незнакомым голосом с приятной хрипотцой, словно подслушал ее мысли, – какими мы тогда смешными были! От Лизки прятались, родителей боялись. А главным

страхом было, сдадим ли мы выпускные экзамены. Смешно! Можно подумать, нас не выпустили бы из школы после стольких лет мучений! Знать бы тогда, сколько испытаний впереди... Счастливое было время. А теперь... И родители на гастроли уехали, и Лиза ушла, похоже, надолго, а мы сидим за столом, как старички, и вспоминаем, смакуя, школьное прошлое. Как будто настоящего у нас уже нет. Не говоря о будущем. А ведь нам всего по двадцать пять, старушка!

Он положил свою большую красивую кисть с длинными пальцами скрипача на руку Лели, и девушка вдруг ощутила давно забытое покалывание в пальцах и истому во всем теле. Антон, почуяв потаенный зов, встал с табуретки, подошел к Леле, обнял ее за плечи. Подруга не отодвинулась. Жара, усталость, воспоминания, вино отняли у нее, казалось, все силы. Бороться с собой она уже не могла, да и смысла в этом, наверное, не было. Леля мысленно представила Кшиштофа, и музыкальная волна, что-то вроде темы из фортепьянного концерта Моцарта, тронув душу, внезапно подхватила и бросила ее в объятия друга детства.

Антон, как когда-то в школе, целовал ее шею, продвигаясь все ниже, к смуглым маленьким грудкам. Он уже принялся расстегивать пуговицы на спине льняного сарафана, как вдруг на миг прервался и внимательно посмотрел в глаза девушки. Они были темными, влажными, но какими-то чужими. Как тогда, в детстве, Леля была рядом и одновременно где-то далеко-далеко. Во всяком случае, не здесь и не с ним.

– Ты что? – удивился он.

– Нет-нет, ничего, – встрепенулась она. – Все в порядке.

Не уходи, пожалуйста, иди сюда.

Но он и сам уже не смог бы оторваться от ее смуглых рук, от худой и слегка сутулой, как у всех профессиональных пианисток, спины, от темных густых волос, впитавших пьянящие ароматы клубники, липы и кофе по-варшавски.

У них не хватило сил, чтобы перебраться в комнату. Все случилось там же, на кухне, на старом продавленном диванчике.

Леля отдавалась Антону страстно и виртуозно, словно они играли дуэтом на престижном конкурсе. Блестящая импровизация! Громче, еще быстрее, еще... Кода! Однако, когда последний аккорд был взят ими одновременно, она почувствовала не восторг и легкость, как после близости с Кшиштофом, а бесконечную усталость и грусть. Девушка лежала на диване, слегка прикрывшись сарафаном в горошек, и тихо смотрела в окно. Антон погладил ее темные спутанные волосы и вдруг понял, что Леля находится где-то далеко-далеко.

«Что ж, как хочешь, дорогая. Если для тебя лучше, чтобы я ушел, я уйду. Прямо сейчас».

– Ну, мне пора, – неуверенно сказал он. – Вдруг сейчас явится Лиза? Как тогда, в школе, во время репетиции, помнишь? – зачем-то уточнил он, будто извиняясь.

Леля по-прежнему молчала. Антон вернулся из ванной

комнаты полностью одетый, даже захватил куртку в прихожей.

– Нет, Лиза теперь другая. Из вредности явится к ночи. – Леля наконец заговорила. Она виновато улыбнулась Антону, словно вернулась из далекого путешествия. Девушка и вправду только сейчас по-настоящему осознала, что произошло.

«Надо поскорее перевести нашу внезапную близость в шутку. Почему-то у меня предчувствие, что любви до гроба у нас с Антоном не получится. Так, легкий летний роман...»

– Как говорит Лиза, секс еще не повод для знакомства, – поддразнила она Антона, в глазах девушки заплясали бешенята. Она вспомнила Лизу, и в голосе послышалась нежность. – Ну и характер у моей сестренки! Ей бы в цирке выступать! Чумовая девчонка! Без адреналина жить не может! Верховой ездой увлеклась, в скачках участвует, и представляешь, самые горячие жеребцы ее слушаются. Думаю, она так же и с поклонниками обращается: «Рысью марш, галопом марш!»... Ты, Антоша, и вправду хочешь идти? Что ж, милый, не буду удерживать, да и мне надо позаниматься перед концертом. Спасибо за вино и клубнику.

– И это все, за что меня сегодня можно благодарить? – поддразнил приятель, но Леля на этот раз не подхватила его шутливый тон, и Антон как-то сразу скис, стал похож на прежнего долговязого школьника, у которого самая главная проблема в жизни, ну просто гамлетовский вопрос: «Даст –

не даст, смогу – не смогу»... – Ну, так я позвоню? – вдруг спросил он почти жалобно.

– Конечно, Антоша, – улыбнулась Леля и ласково поцеловала его в щеку. – Я буду очень ждать.

С тех пор так и повелось: пару раз в неделю Антон оставался ночевать у Лели. Лиза делала вид, что ее это не волнует, закрывалась в своей комнате на замок и включала громкую музыку. Но однажды холодным дождливым вечером девушке сделалось так жаль себя... Мол, лежу тут, молодая, красивая и одинокая, никому на всем белом свете не нужная. Лиза представила: а вдруг прямо сейчас к ней в комнату заберется маньяк? Или целая банда! А что, их квартира на втором этаже, это вполне возможно... Маленький Тошка с маньяком не справится, а Леля с Антоном ее не услышат. Вернее, не захотят услышать. Потому что она им и не нужна. Выходит, самый близкий человек, сестра, стал для нее чужим. Растравив душу, Лиза принялась тихонько всхлипывать. Тошка угадал настроение хозяйки, заскулил и стал кидаться на дверь. Вот тогда-то Лиза и появилась, как привидение, в комнате любовников, чтобы, спугнув их, крепко и счастливо уснуть.

Антон и Леля давно старались встречаться, когда Лизы не было дома. Выходки младшей становились все более дерзкими и безбашенными. Леля злилась, но по-матерински жа-

лела сестру: бедная девочка страдала из-за ревности, но не могла ни скрыть ее, ни побороть разрушительное чувство. То вбегала в комнату сестры, когда там находился Антон, в кружевных лифчике и трусиках, явно купленных для этого спектакля, и при этом делала вид, что торопится к телефону. То выливала на себя половину флакона одеколona, которым пользовался Антон, то запускала к ним в комнату Тошку. То намекала на Лелин роман с поляком и притворно жалела Антона. Мол, и тебя скоро бросят, бедненький, как бросили польского пана. Или, в зависимости от настроения, пугала: мол, скоро пан дирижер придет, тогда тебе, Антоша, опять укажут на дверь. Антон приходил в бешенство, порывался уйти, Леля его изо всех сил успокаивала, и редкие совместные вечера троицы неизменно заканчивались скандалом, а потом бурным примирением. Постепенно все трое привыкли к подобным стычкам, как привыкают артисты к постоянным розыгрышам и приколам, и временами даже ждали их, чтобы как-то разнообразить жизнь, переполненную работой, учебой и кучей самых разнообразных обязанностей. Хотя что-то подсказывало Леле: скоро младшая сестренка придумает розыгрыш покруче.

Антон простился с Ленкой и вновь мысленно достал свой магический кристалл. У него, как у всякого влюбленного, выработалась почти наркотическая зависимость от любимой. Он сидел за столом, уставившись в компьютер, скучный

текст расплывался перед глазами. Антон Смирнов ничего не видел. Вернее, видел ее, Лелю. Задумчивая смуглянка, словно обнаженная маха на полотне Гойи, всплывала в памяти, мешая сосредоточиться на работе. Антон вспоминал поворот ее головы, кожу, пахнущую ванилью, каждый ее стон, каждый взгляд из-под полуприкрытых ресниц.

– Знаешь, Леля, – пару дней назад сказал Антон, когда они лежали рядом под простыней, медленно остывая после близости, – мне уже трудно представить, как я мог не приходиться в эту комнату, не думать каждую минуту о тебе – такой, какая ты сейчас.

– Какая? – не удержалась Леля от кокетства.

– Хочешь голую пр-р-равду? Ты ее сейчас получишь! – шутливо зарычал Антон и, откинув простыню, принялся целовать маленькие смуглые груди со съезжившимися сосками-вишенками. – Хорошо, что Лизы нет дома, – улыбнулся он.

– Не поверишь, а я скучаю без нее, – грустно вздохнула Леля. – Порой мне даже кажется, что Лиза моя дочь. Родители, уезжая на гастроли, всегда оставляли на мое попечение младшую сестренку. Я так привыкла радоваться ее успехам в школе, переживать из-за ее проделок. Иногда думаю, что она с тех пор почти не повзрослела. Маленькая беззащитная девочка, даже толком притворяться не умеет. Так хочется заклонить ее от опасностей жестокой жизни, ведь к ним она до сих пор совершенно не готова. Между тем ей уже двадцать...

– Ну, по-моему, ты, Лель, фантазируешь, у дитяти, кажется, режутся зубки, – не выдержал Антон и шутливо укусил Лелю за смуглое плечо. – Таких, как Лиза, французы называют анфан террибль – ужасный ребенок. Слабость – их самое грозное оружие. Впрочем, довольно о ней. Мы только и делаем, что говорим о твоей сестре, даже в постели, особенно в ее отсутствие, это начинает меня напрягать. Между прочим, я люблю тебя, а не ее. Давай-ка займемся кое-чем более интересным, – прошептал он слегка дрогнувшим голосом и накинулся на Лелю с удвоенной страстью...

– Раз-два-три-четыре-пять, фиг им всем меня догнать! – декламировала Ленка про себя дурацкие стишки собственного сочинения, набирая скорость.

Она бежала так стремительно, словно в каждую кроссовку у нее была вшита специальная пружинка – ускоритель хода. Газетчики в возрасте, завидев ее, шарахались в сторону, а хозяйственник Кузьмич шутливо крестился. Все знали: если Кузнецова взяла след, лучше не вставать у нее на пути.

Как всегда, Ленка воображала на бегу быстрее. Она вообще зачала бы, заставь ее начальство высиживать на работе с девяти до шести и ходить на разные планерки и летучки. Ее стихией были движение и творчество. Готовить фотографии для выставки она могла хоть всю ночь, охотиться за интересным кадром – целый день, а вот набирать на компьютере протокол собрания фотоотдела было для нее настоящим на-

казанием, все равно что домашняя работа. Особенно Ленка ненавидела пылесосить или гладить. Ее домашний любимец – рыжий кот Мурзик – тоже терпеть не мог шума пылесоса и был в этом вопросе полностью солидарен с хозяйкой.

«Похоже, Антон не врет, – думала девушка, одной рукой поправляя челку, а другой на бегу застегивая куртку, – так сыграть растерянность просто невозможно. Ну, не Сергей Маковецкий или Максим Суханов он, в самом деле! Система Станиславского – не его конек. Наверное, Тошка и вправду не продавал фотку своей красавицы (впрочем, если честно, не такой уж и красавицы) в бульварную прессу. Тогда кто же? Нет, я обязана это узнать! Хотя бы ради доброго имени Антона».

Антон был лишь добрым ее приятелем, хотя сама Ленка давно и безнадежно пребывала в состоянии его тайного обожания.

Ленка выскочила во двор, прыгнула в свою выдавшую виды «шестерку» и, резко газанув, устремилась на поиски истины.

Утро началось для Лели просто отлично: Антон в девять убежал на работу, и она с радостью поняла, что может понежиться в кровати еще немного, пока лучи летнего солнца не проникли в ее комнату. Леля дремала, наслаждаясь прохладой и воспоминаниями. Спешить было некуда. Репетиция в два, концерт в семь. Надо к вечеру восстановить энергию,

растраченную за бурную ночь, чтобы перед концертом почувствовать себя заряженной, словно большая солнечная батарея. Эту энергию она отдаст вечером до капельки зрительному залу и после концерта почувствует себя опустошенной.

В последнее время Лелю здорово вдохновлял ее неожиданный роман с Антоном. В ее игре появились новые краски и оттенки. Музыканты подначивали Лелю: кто же он, ее счастливый избранник? Мол, солистка не только очень хорошеела, но и играет с каждым днем все лучше. Леля загадочно улыбалась в ответ. Она-то знала: каждый ее точный пальчик, извлекающий волшебные звуки, был не однажды перецелован Антоном. И не только пальцы – тонкие кисти, худые предплечья, по-девичьи острые ключицы – каждая клеточка ее тела помнила его ласки и поцелуи. Нет, не зря в каком-то из романсов поется, что первая любовь, как старое вино, с годами только крепче...

Леля вскочила с кровати, плюхнулась прямо в ночной рубашке за пианино, и из-под ее пальцев полились «Грезы любви» Листа. О, как созвучны были эти гармонии с ее переживаниями! Великий венгр, как и она, грезил наяву, вспоминая страстные ночи, его также сжигали страсть и нежность. Боже, какое счастье, что музыка может сказать то, что невозможно передать словами. Верные рыцари музыки, гениальные композиторы, чувствовали то же, что и она. И Шуберт, и Шуман, и Шопен были пленниками любви. Даже звук их божественных имен подобен шелесту ночной листвы за ок-

ном. За окном ее комнаты. С тех пор как эти великие музыканты жили на свете, прошло больше столетия, однако в душах людей ничегошеньки не изменилось. Они так же любят и страдают, только не всем дано передать эти чувства. А они, поцелованные Богом, смогли. И она сможет.

Ее тонкие пальцы пропевали вчерашнее свидание, вспоминая особенную нежность влюбленного в нее мужчины... Да, похоже, они становятся с Антоном все ближе, а яркий еще недавно образ Кшиштофа стирается, превращается в символ, в недостижимую мечту... Антон такой земной, такой уютный, он сумеет окружить ее вниманием и заботой, всем, что необходимо ей как артистке. Он обеспечит ей безбедную жизнь, чтобы она могла думать лишь о творчестве. А Кшиштоф... Что ж, Кшиштоф тоже художник, ему самому надо, чтобы о нем заботились, жили его искусством и его проблемами. Ему нужна обычная земная женщина, которая будет готовить ему обеды и гладить рубашки, а не страдать муками творчества.

«Словом, все складывается к лучшему», – подумала Леля и, стараясь не растратить удивительное настроение, переполнявшее ее с утра, решила пройтись пешком до концертного зала. Погода стояла по-настоящему летняя, можно было наконец появиться на репетиции в новом платье из алого китайского шифона, которое так удачно подчеркивало ее стройную талию, высокую грудь, оттеняло темные глаза.

– Ольга, привет! – встретила ее в гримерке скрипачка Раечка. – Здесь все тебя ждут. Ну, Лелик, ты даешь! Да ты просто звезда шоу-бизнеса! А мы-то думали, Рябинина – академическая тихоня, почти монашка, не от мира сего. А тут – такая в буквальном смысле слова голая реклама...

– Какой такой шоу-бизнес, Рай, ты о чем? – не поняла Леля.

– Да ладно скромничать, Венера ты наша Арбатская! – захихикала Раечка. – Весь оркестр уже налюбовался. Думаю, мужчины особенно вдохновились, так что вечером будут играть как никогда. Готовься бисировать. Да вон же, на столике газета, смотри сама!

Ничего не понимая, Леля подошла к столику, на котором лежала сложенная вдвое газетная полоса. Леля газет обычно не читала, однако про эту слышала, что она довольно популярна, поскольку в ней печатают самые невероятные сплетни. Сплетни... «Ну и при чем тут она, Леля? Рябинина не в шоу-бизнесе, она им вряд ли интересна», – почему-то подумала девушка о себе в третьем лице.

– «Звезды в неожиданном ракурсе. Известная молодая пианистка Ольга Рябинина. Фото Антона Смирнова», – автоматически прочитала Леля и обомлела. У нее, Лели, был на снимке тот особенный взгляд, каким она смотрела лишь на одного человека на свете. На Антона. Почему-то вдруг резко закололо под лопаткой. Перехватило дыхание. Так больно ей было в последний раз давно, классе в пятом, когда Леля

узнала, что ее любимая учительница музыкальной литературы умирает от рака.

«Что ж, когда-нибудь каждая женщина переживает мужское предательство, вот и со мной это случилось», – внезапно подумала она. Однако сейчас эта банальная мысль не утешила, напротив, стало еще обиднее. Дескать, и она, молодая, блестящая, талантливая, так же по-бабьи несчастна, как какая-нибудь толстая и горластая торговка на рынке, а ее Божий дар – вовсе не защита от мужской подлости, да и вообще не защита. Ни от чего на свете.

Леля постаралась надменно улыбнуться, но вместо этого ее губы дрогнули и растянулись в жалкое подобие улыбки. Нет, она не собиралась сдаваться. В искусстве не место слабым. Между прочим, это она, Ольга Рябинина, вечером играет со знаменитым оркестром в самом прославленном концертном зале столицы.

– Ах, эта дурацкая фотография, подумаешь... Даже красиво вышло. Короче, бесплатный пиар перед концертом. – Леля изо всех сил пыталась казаться равнодушной, но у нее получалось плохо, вернее, совсем не получалось.

– Да ты что, Оль, взаправду плачешь? – внезапно догадалась Раечка, когда слеза наконец, выкатившись из уголка глаза, предательски поползла по щеке подруги.

Раиса поспешно открыла скрипичный футляр и извлекла из него большой белый носовой платок, на который она обычно клала подбородок во время игры на скрипке. Этим

платком она по-матерински нежно вытерла подруге слезы.

– Теперь моя скрипка будет плакать вместо тебя, – пошутила она. – Помнишь, как в детстве мама говорила: «У кошки заболи, а у Оли заживи». Вот через твой зареванный платок моя скрипка и возьмет твою боль. Так что зал, надеюсь, будет рыдать. Ну ладно, поплакала и хватит, а то завистники обрадуются. Ты должна быть блестящей и победительной. Всегда, что бы ни случилось. Таков крест настоящей звезды. Короче, Оль, брось дурить, любая наша оркестрантка дорого заплатила бы за подобную рекламу. Только учти, не у каждой твой талант и такое красивое тело. Сейчас вон снимки голых девиц в газетах и журналах пачками печатают, и красотки, кстати, не боятся, что их потом замуж не возьмут. Или на работу. Так и пишут: «Я педагог, люблю Достоевского и Баха». А на фото, между прочим, толстая попа в стрингах и груди топлес, как астраханские арбузы. А у тебя, Оль, все красиво и пристойно. Я бы, например, мечтала о таком фото. Только какой газете, скажи, нужна не голая солистка, а простая оркестрантка?...

– А я теперь вообще не хочу замуж. Никогда, – вдруг некстати сказала Ольга, глубоко вздохнула и, тщательно попудрив нос, отправилась на репетицию.

Этой эсэмэске Антон совсем не удивился, поскольку ждал ее с той самой минуты, как увидел газету:

«Никогда не звони и не пиши мне. *Ольга*».

Отвечать на это послание было бессмысленно. Слишком хорошо Антон знал Лелю. Она всегда была горячкой, с первого класса. Когда-то, классе в пятом, жюри на школьном конкурсе простило ей ошибки в исполнении новой пьесы. Ну, обычная история: сделали поблажку самой талантливой пианистке, случайно сыгравшей не в полную силу, чтобы та прошла в следующий тур. А Леля, ко всеобщему изумлению, вообще отказалась участвовать в состязании музыкантов. «Не хочу быть блатным лауреатом. Я и так сильнее всех, могу побеждать и без подсуживания», – объяснила она ошеломленным педагогам свое решение. И не пошла на третий тур. А ведь конкурс был для нее важной ступенькой, все отобранные комиссией ребята готовились к нему как сумасшедшие. Но Леля была тверда. А сейчас... Этот проклятый снимок она наверняка посчитает унижением, пятном на ее безупречной репутации. У классических музыкантов другие правила раскрутки, чем в шоу-бизнесе, своя корпоративная этика. Скандальная реклама вряд ли пойдет на пользу ее карьере. Скорее наоборот. И надеяться, что «время лечит», тоже глупо. В их случае время совсем не лучший лекарь. С каждым днем она будет ненавидеть его, Антона, все больше. Ведь получается, что он предал ее не только как женщину, но и как друга. И что бы теперь Антон ни сказал и ни сделал, все будет работать против него. Любым очевидным доказательствам его невиновности, если таковые вдруг появятся, Леля вряд ли поверит. Его профессия и его подпись под снимком –

главные улики против него. В любом случае он будет выглядеть в ее глазах отвратительно: будто изворачивается, оправдывается, пытается обелить себя и очернить других... Тем более что Леля совсем из другого мира – не из массмедиа. Она даже не представляет себе, чего стоят все эти газетные сенсации и разоблачения, понятия не имеет, как лихо могут подставить любимые коллеги, они же конкуренты и завистники... Ну, не все, допустим. Вот Ленка, похоже, ему поверила. Потому что знает, какой неприглядной бывает изнанка «глянца». Но она так не похожа на Лелю...

Нет, надо бороться. Антон так сжал авторучку, что пластмасса хрустнула и надломилась. Какой же он мужик, если так легко отказывается от девушки, которую любит с пятого класса? Так охотно заглотнуть крючок, который ему кто-то ловко подsunул? Ну уж нет! Этот «кто-то» как раз ждет, что он будет беспомощен и жалок. Нет, он не сдастся так легко, хотя исход битвы ясен: Леля его никогда не простит.

Осознав это, Антон застонал и стукнул кулаком по клавиатуре компьютера. Ему впервые за последний месяц вдруг ужасно захотелось выпить или набить кому-нибудь морду.

Ленка неслась на съемку по маршруту, выданному ей шефом, но в голове у нее был не план съемки, а недавний разговор с Антоном. Вернее, даже не слова друга, а его потухший взгляд и опрокинутое лицо. Как фотограф, она всегда быстрее реагировала на «картинку», чем на речь человека. А таким, как сегодня утром, она не видела Антона никогда

в жизни.

Так, для начала надо разузнать, как попал тот снимок в редакцию желтой газетенки. Эх, черт возьми, небывалый случай! Именно там у нее нет ну никогошеньки. Хотя, если честно, она знает пол-Москвы. А если Антон лжет? Вдруг он и вправду принес фотку в редакцию? Или, например, прислал ее туда по электронке? Какой же доверчивой дурочкой тогда она будет выглядеть в глазах коллег! Нет, не похоже. Уж очень он сокрушался. Ну, не артист же он МХАТа, в конце концов! Обычный газетный писака...

У светофора Ленка достала мобильник и, сделав пару звонков, выяснила нужный номер. Загорелся зеленый. Газанув с места, лихачка одной рукой управлялась с машиной, а другой нажимала кнопки телефона. При этом она еще ухитрилась показать кулак мужику на «ниссане», нагло подрезавшему ее на повороте.

– Алло, редакция, вас беспокоят из дирекции фотоцентра, – пропела она чужим хриловатым голосом, стараясь говорить солидно и развязно одновременно. – Мы бы хотели связаться с автором снимка, напечатанного сегодня у вас на предпоследней странице. Да-да, портрет в стиле ню, ну да, все верно, молодой пианистки. Да, хорошая работа, поэтому я вам и звоню. Дело в том, что мы готовим фотовыставку, на которой люди самых разных профессий будут представлены в неожиданных ракурсах. В том числе и обнаженными. Ну конечно, мы вас пригласим на открытие. Да не волнуй-

тесью вы, сошлемся на вас, оплатим использование оригинала – все, что сочтете нужным. Что? Автор снимка Антон Смирнов? Это не псевдоним? Вы уверены? Да нет, ничего, просто я никогда не слышала о таком фотографe. А где он работает? В редакции газеты «Остров свободы»? Интересно... Обычно мы знаем всех людей этого круга. А как с ним связаться? Хорошо, я позвоню в редакцию. Спасибо, коллега.

«Вот гадина!» Ленка отключила мобильник и швырнула его на соседнее сиденье. Ну конечно, глухарь, только зря деньги на звонок потратила. Ясный пень, в этой бульварной конторе, как, впрочем, и у них в редакции, не раскрывают псевдонимы. Короче, везде одно и то же. У нас боятся гнева политиков, а там – разъяренных звезд. В сущности, небольшая разница, каждый торгует тем, чем может. Короче, везде сейчас работают циничные профи. Стреляные воробьи. Или... Неужели Антон все-таки лжет?

Лиза звякнула поводком, и Тошка не заставил себя ждать. Что ж, утро чудесное, погода отличная, вдруг они отправятся на бульвар? Тошка обожал там гулять. Еще бы! Там столько собачьих следов и меток – только успевай петлять вокруг деревьев и столбов. Разгадывать их – сплошное удовольствие. Все равно что грызть большую сахарную косточку. А еще можно побегать за воронами, обнюхать Шерри – симпатичного ирландского сеттера, с которым они давненько приятельствуют, и поноситься вместе по дорожкам. А если встретится кто-нибудь не очень огромный и грозный, можно да-

же подражаться в свое удовольствие. Особенно Тошка любил наподдать нахальному спаниелю Кадо, у которого шерсть на холке тоже вставала дыбом, как только вдалеке он угадывал, вернее, унюхивал его, Тошку.

Когда Лиза вырулила с их двора на бульвар, Тошка завизжал от радости. Ура, жизнь налаживается! Начинается самое интересное. Но Лиза вдруг резко потянула любимца за поводок, и они свернули в незнакомый переулок.

Это был один из тех немногих московских дворов, где еще до конца не выветрился дух старой Москвы. Тошка с удовольствием втянул в себя новые незнакомые запахи, облаял кошку, сидевшую на дереве, а потом вдруг завизжал и отчаянно завилял обручком хвоста. Из подъезда вышел очень крупный – высокий и широкий в плечах молодой человек, одетый в стиле милитари. На нем были штаны и куртка маскировочной расцветки, высокие ботинки и полевая сумка через плечо. Его облик хронического ботаника – слегка сутулая, как у всех компьютерных фанов, спина, высокий лоб с ранними залысинами, очки с толстыми стеклами – так разительно контрастировал с мужественным прикидом, что Лиза невольно улыбнулась:

– Привет, Федор! Ну ты и вырядился. Прямо для песни «Ты сейчас в армии».

– А что? – смутился парень. – Мне не идет? Глупо выгляжу?

– Да нет, нормально, – поспешила успокоить его Лиза. –

Пошли, настоящий полковник!

Они вырулили на бульвар. Лиза спустила Тошку с поводка, и пес рванул по своим собачьим делам. Лиза с Федором присели на свободную скамейку.

– Ну вот, я все сделал, как ты просила, – сказал парень и посмотрел на нее, как Тошка, ожидающий похвалы за выполненную команду.

– Спасибо, – просто сказала Лиза.

– И это все? – удивился Федор. – Ты хоть понимаешь, чего мне стоило пристроить эту чертову фотку?

– Молодец, – так же коротко похвалила его Лиза. А потом, спохватившись, ласково потрепала по руке, словно Тошку по холке. Федор сжал ее тонкие пальцы так, что Лизе стало больно. Но она не выдернула их, только шутливо пнула его ногой по коленке. Между ними давно установились дружески-задиристые отношения, как у пацана и девчонки во дворе.

– А твоя знаменитая сестра уже видела свою обнаженку в газете? – поинтересовался он небрежно.

– Наверное, еще нет. А почему ты об этом спрашиваешь? – насторожилась Лиза.

– Не думаю, что Леле эта затея понравится.

– А по-моему, наоборот. – Лиза поправила медовую челку и пристально посмотрела на Федора. – Леля еще вчера и мечтать не могла о такой рекламе, говорила, мол, у филармонии на ее раскрутку денег нет и не будет. А тут – хоп, и сра-

зу ее фото в газете с огромным тиражом. Красивый портрет, кстати, получился. Между прочим, я считаю, что скрывать от людей такую красоту – преступление. И Антону фото его красивой девушки, да еще с его подписью, тоже пойдет на пользу. Скандальная слава журналисту никогда не помешает...

Похоже, Лиза уговаривала сама себя. Она трещала без умолку, словно боялась остановиться и честно задать себе пару вопросов. Впрочем, Федор ее не особенно слушал. Ладно, в конце концов сестры между собой как-нибудь разберутся. Дело, как говорится, семейное. Действительно, что такого страшного произошло? Ну, попросила Лиза отвезти фотографию в редакцию, он и отвез, трудно, что ли. Да он ради этой девушки в клетку к тиграм зашел бы, не то что в какую-то контору. (Впрочем, к тиграм Лизка и сама бы запросто шагнула, уж он-то знает!) Главное, эта светловолосая девушка, эта крохотная Лиза теперь сидит рядом и не вынимает свою маленькую руку из его руки. Какая она хрупкая, эта ручка. А как красиво ветер поднимает ее волосы медового цвета. И еще сегодня день такой хороший, солнечный, можно никуда не спешить. Только вот Лиза почему-то ведет себя с ним сегодня еще строже, чем обычно...

Тут возле них нарисовался неугомонный Тошка, и Лиза преобразилась на глазах. Ее обычно капризные губы растянулись в счастливой улыбке, а на щеках появились очаровательные ямочки. М-да, похоже, он, Федор, слишком много о

себе мнит. В обществе четвероногих друзей его подруге гораздо веселее и уютнее, чем рядом с ним, человеком разумным и прямоходящим. Зато в отличие от пса он хотя бы может задать ей прямой вопрос.

– Хочешь, погуляем по бульвару? Или в парк пойдем? – с надеждой предложил приятель.

– Погуляем, Феденька, только не сегодня, – поспешила отказать Лиза. – Понимаешь, я участвую в конном троеборье среди студентов ветеринарки. Выездка, конкур и скачки с препятствиями. Сегодня у нас как раз третий этап – скачки с препятствиями, а я пока по очкам четвертая. Так что у меня решительный день. Хочу прорваться в тройку победителей.

– А можно я поеду с тобой? – оживился Федор. – Я тоже люблю лошадей.

– Ты что, Федь, серьезно? Потацишься со мной на электричке за город? Поможешь тащить тяжелую сумку с формой? Да, ты, Федя, съел медведя! Не друг, а просто мать Мария. Тогда давай, дружок, пошевеливайся, и по-быстрому. Короче, отведем домой Тошку – и вперед, на ипподром. За медалью!

Ленка быстро отщелкала скандального функционера какой-то карликовой партии, потом подскочила на митинг в защиту памятников, сделала там несколько десятков снимков, ловко уворачиваясь от локтей и транспарантов разгневанных

граждан. Оставался фотопортрет балерины в еженедельное приложение. Главный редактор почему-то мертвой хваткой вцепился в эту служанку Терпсихоры. А ведь обычно театр не жаловал, предпочитая гневные кинообзоры голодающей Аллы Матвеевны. Мол, нашему читателю нужно массовое искусство, а не развлечение для элиты, которое давно не принадлежит народу.

«Балерина пусть еще пару часиков без меня порепетирует, хуже не будет», – внезапно решила Ленка и резко рванула в другую сторону от театра. Ее путь лежал в редакцию той самой желтой газетки, куда она звонила пару часов назад. Одной рукой крутя руль, Ленка набрала на мобильнике нужный номер.

– Это «Скандальная газета»? Фотоотдел? Есть снимок бывшей порнозвезды на митинге в защиту культуры, – для начала по-деловому сообщила она дежурному. – Порнозвезда как часть нашей новой культуры... А что, по-моему, прикольно.

Теперь ее голос звучал не низко и властно, а звонко и напористо. Это была ее территория, ее поле игры. С фотографиями Ленка всегда находила общий язык и теперь тонко вела «разведку боем».

– Ну конечно, привозите вашу защитницу культуры, – пророкотал мужской бас в трубке. – Мы как раз готовим «Калейдоскоп приколов недели», и шеф требует побольше физиономий и прочих частей тела самых скандальных персон.

Через несколько минут Ленка уже сидела перед монитором компьютера в прокуренной комнатенке, до потолка заваленной фотографиями, журналами и газетами. Без конца вереща и вертясь на крутящемся стуле, она демонстрировала мрачному типу в черной коже (он представился заведующим фотоотделом, хотя гораздо больше походил на главаря сицилийской мафии) кадры, только что отснятые на митинге. Разговор шел сугубо профессиональный, и Ленка никак не могла перейти к вопросу, ради которого сюда примчалась. «Сицилиец» был так молчалив, словно и вправду принял обет молчания мафии – омерту, однако с профессиональным одобрением отсматривал Ленкину работу.

– Кузнечик, привет, вот это встреча! – зарокотал приятным баритоном огромный мужчина, нарисовавшийся в пролете двери. Он был увешан фотокамерами, как новогодняя елка игрушками, и легко, словно пушинку, держал в руках тяжелый штатив.

– Мурзик! – завизжала в ответ Ленка и бросилась знакомому на шею.

Незнакомец широко улыбнулся, распушил пшеничные усы и чмокнул Ленку в щеку.

Мурзика на самом деле звали Василий. Свою кошачью кличку он получил еще в универе за соответствующую внешность: рыжие усы, небольшой нос пуговкой и зеленые, раскосо посаженные глаза. Василий, несмотря на молодость, работал в штате солидного информационного агентства и, как

все фоторепортеры, время от времени продавал свои снимки в желтую прессу, да и в другие издания, под разными псевдонимами. С Ленкой они вместе учились на журфаке и съели, наверное, не один пуд соли, а целых десять.

– Бабло побеждает зло! – развеселился он. – Вот уж не знал, что ты, Кузнечик, тут тоже подхалтуриваешь. – Васька сделал глаза круглыми, кошачьими, и Ленка прыснула. – Что ж, верно говорят, у нас с тобой, Ленка, вторая древнейшая профессия. Кто платит, на того и пашем. Пойдем, Кузнечик, тяпнем кофейку, раз мы с тобой сегодня оба за баранкой и пиво позволить себе не можем. Тут неподалеку классная кафешка. Как говорится, кавалеры угощают дам.

– Да мне, Вась, еще тут кое-что с коллегами обсудить надо, – отнекивалась Ленка.

– Твое дело не обсуждать, а снимать. Тоже мне публицист великий. Солженицын в юбке... Палыч, короче, мы с девушкой скоро вернемся, – пророкотал Василий, подмигнул «сицилийцу» и, схватив Ленку под руку, потащил к выходу.

Они сидели в кафе и болтали обо всем на свете. На какой-то миг Ленке показалось, что она и Васька снова в студенческом буфете журфака, спешно переписывают чей-то конспект. Неужели опять придется делить одну булочку на двоих, а кофе пить по очереди из граненого стакана? Но нет, обстановка была вполне приличной, в стиле хай-тек: белые стены, стеклянные столы, блестящие металлические поверх-

ности. И еда очень вкусная, явно недietetическая, издававшая заманчивые ароматы. Эх, Аллы Матвеевны на них не было! Впрочем, и Васька нынче выглядел как-то необычайно респектабельно для фотографа. Он небрежно кивнул на крутую иномарку за окном, вскользь упомянул, что строит загородный зимний дом. Жизнь удалась! Ленка вначале опешила, а потом расхохоталась:

– Сбыча мечт налицо! Разве не об этом, Васька, мы мечтали с тобой на журфаке лет пять назад: два известных молодых фоторепортера, сотрудники популярных изданий, встречаются в недешевом кафе, чтобы перекинуться парой слов, обменяться кое-какими полезными адресами, просто потусоваться... Но, согласись, в жизни все оказалось немножко по-другому. Гораздо скучней и жестче. Времени на общение почти не остается. Хотя ты, я вижу, в порядке. И даже больше. Такой новый русский от журналистики. Сколько же ты заколачиваешь? Коммерческая тайна? Ну ладно, молчу, как тот «сицилиец» из «Скандалки»! М-да, не знала, что наше ремесло кое-кому приносит такие дивиденды. А наш «Остров свободы» пишет, что только торговля нефтью, цветными металлами, лесом и прочими богатствами родины приносит настоящие деньги.

– Ну почему же только нефть? – Васька снова состроил уморительную рожицу, и Ленка не смогла не улыбнуться. – Есть еще наркотики, проституция, игорный бизнес...

Ленка оценила шутку и звонко расхохоталась:

– Ну да, еще торговля оружием. Кончай прикалываться. Слышала, Мурзик, ты недавно женился?

– Да уж, целых полгода прошло... Женат на Миле Мухиной, фоторедакторе нашего агентства. Так сказать, профессия сблизила. Да вот же она, в моем мобильнике. Смотри! Если бы ты была мужиком, я бы добавил: «И завидуй».

С экрана мобильного на Ленку смотрела миленькая кудрявая девушка с огромными голубыми глазами и большим ртом, похожая на куклу Барби.

– Да, имя ей очень подходит – Мила и вправду мила. Для такой жены ты всегда будешь всемогущим папиком, – улыбнулась Лена. – Пожалуй, это то, что тебе нужно. Будет смотреть в рот, но за это постоянно требовать денег.

Впрочем, так оно проще. А то пишущие дамочки шибко умные, их не всегда поймешь. Как и мужиков-репортеров, – добавила она, почему-то вспомнив Антона.

– Да, теперь у меня совсем другая жизнь, – неожиданно вздохнул Васька. – Милке денег всегда не хватает, приходится крутиться, кредиты брать. Разные проекты, халтура, побочный бизнес, ну ты понимаешь. Надо думать о будущем. Не вечно же с камерой, как пацану, бегать...

Они весело болтали, словно и не прошло несколько лет с момента их последней встречи. Василий хохмил, сам смеялся своим шуткам, и его усатое лицо было похоже на самодовольную морду рыжего кота, когда тот щурится от удовольствия, лежа на батарее. Васька тоже был рыжий, только

его волосы отливали не красноватым, как у Ленки, а желтой медью. За эту общую огненную масть их в институте порой дразнили братом и сестрой.

– А ты сама, Кузнечик, что же, до сих пор никого не окрутила? – поинтересовался Васька добродушно. – Ни за что не поверю, что такая женщина до сих пор одна. В универе, как щас помню, парни за тобой табуном бегали, в очередь вставали фотокамеру поносить.

– Ну, так тогда времени сколько свободного было! А сейчас я рабочая лошадка. Надо себя и маму-пенсионерку кормить, деньги зарабатывать, за квартиру платить. Времени на шуры-муры совсем нету. Потому и холостякую, – рассмеялась она. – Может, когда-нибудь в другой раз расскажу, почему не рвусь замуж. Был в моей жизни один неприятный случай... После него порой накатывает тоска. Кажется, я хуже всех и никого не достойна. Впрочем, до тридцатника, Мурзик, у меня время есть. Погуляю-погуляю, а там, если Бог даст, ребеночка заведу, даже если замуж не выйду. Кстати, Вась, ты часто заглядываешь в редакцию «Скандалной газеты»?

– Признаюсь тебе, Кузнечик, частенько. Сама понимаешь, когда у тебя семья, ее содержать надо. А ты правильно въехала, что у моей Милки завышенная планка. Мечтает, чтобы я еще прикупил домик где-нибудь в Черногории или, если повезет, в Испании.

– Вот здорово! – завопила Ленка и от души чмокнула Ва-

сила в пухлую кошачью щеку. Он довольно сощурился, казалось, еще немного – и замурлычет. – Прилечу к вам в гости с каким-нибудь будущим бойфрендом! – пообещала девушка не без кокетства. А потом спросила: – Ну, раз ты тут местный, может, знаешь, кто такой Смирнов? Фотограф Смирнов.

– Не припоминаю, а зачем тебе? – нахмурился Василий.

– Да понимаешь, Вась, тут красивую фотку одной пианистки напечатали, меня в фотоцентре просили узнать. Им для тематической выставки такие «нюшки» нужны.

– А, в последнем номере? – Василий изо всех сил наморщил лоб и вдруг выдал целую речь: – Ну да, вспомнил! Кажется, приходил какой-то здоровенный тип моей комплекции. Между нами, довольно странный такой чел. И фотки принес какие-то самодеятельные, и в ответ на деловые вопросы Палыча что-то невнятное мямлил. Словом, если он и фотограф, то типичный чайник. Из тех, что все подряд на свой цифровик щелкают. Но бывает, и у них в куче дерьма попадаются жемчужины. Теперь, сама знаешь, пленку не экономят, а «цифра» все стерпит, из сотни кадров можно выбрать один приличный. Кажется, я там был. Нуда, тот парень первым делом объявил, что, мол, принес фотопортрет молодой известной пианистки. Это его и спасло от разноса. Наш Палыч, хоть и зарабатывает на жизнь в бульварной газетенке, на самом деле сноб и эстет, по филармониям и консерваториям частенько шастает. Он узнал эту девицу на фо-

тографии. Сказал, что недавно слышал эту модельку на концерте и был очарован, как он загнул, «ее пианизмом». Думаю, потому ее фотку в номер сразу же поставил. Такие дела. Ну что, довольна, мисс Марпл?

– Вполне. Ну а теперь давай о чем-то другом, не о работе, – попросила Ленка. – Мало того что вечно таскаем все это железо на себе, так еще и говорим только о съемках круглые сутки, даже за кофе.

Васька кивнул и с удовольствием стал «трясти оперением» – расписывать опасности очередной командировки в горячую точку, куда летал по заданию агентства.

«Так, совершенно очевидно: это не Антон, – подумала Ленка. – Внешность человека любой фотограф запоминает намертво. Это у нас профессиональное. А его, Антона то есть, огромным, как Васька, и тем более бестолковым ни за что не назовешь. Значит, не он. Тогда кто же? И почему для псевдонима этот „кто-то“ взял фамилию Антона? Получается, вопросов больше, чем ответов. Ну ладно, буду решать их по мере поступления».

И Ленка, мгновенно успокоившись, с удовольствием отхлебнула изрядно остывший кофе, попутно отковырнув от соблазнительного пирожного самую большую и блестящую вишенку.

В тот вечер Леля играла Бетховена так хорошо, как никогда прежде. Страсть, обида, печаль – все чувства, переполнившие ее несколько часов назад, переплавились в плени-

тельные звуки и зарядили всех такой энергией, что она передалась не только слушателям, но даже музыкантам оркестра. Когда стихли последние аккорды, оркестранты дружно застучали смычками о грифы скрипок и альтов. Публика долго не хотела отпускать девушку, заставляла ее играть на бис. Это был настоящий триумф!

«Жаль, Кшиштоф не дирижирует сегодня! – неожиданно для себя подумала Леля. – Он, как артист, поймал бы мой кураж и порадовался бы сейчас моему успеху. А впрочем, даже хорошо, что его нет в зале. И тем более – за дирижерским пультом. У него же, как у всякого великого художника, потрясающая интуиция. Ничуть не удивилась бы, если бы он по моей игре догадался, что я пережила бурный роман. С другим».

Леля боялась признаться даже себе: ей ужасно не хочется, чтобы Кшиштоф узнал об ее отношениях с Антоном. Казалось бы, что такого: она девушка свободная, Кшиштоф давно и глубоко женат. К тому же у них разные страны проживания, язык и традиции, куча родственников... Кшиштоф и сам, наверное, понимает: их отношения были обречены с самого начала. Не оставаться же ей навеки одной...

Пожалуй, признание в том, что у нее был роман с Антоном, могло бы стать маленькой женской мстостью иноземному донжуану. Нет. Пусть хотя бы тоненькая ниточка надежды останется. Как воспоминание о прошлом, как мечты о будущем... Как крохотный огонек, из которого они оба еще долго

будут разжигать пламя вдохновения, без которого истинное искусство мертво.

Низко поклонившись публике и забрав с рояля охапку цветов, Леля впорхнула в примерку. Она ликовала. Вот бы, как бабочка, взмыть к потолку этой маленькой комнатушки под звуки великой музыки, все еще звучавшей в ней! Музыка, над которой не властны ни время, ни мода... Вдруг на глаза ей попала та самая злополучная газета, забытая кем-то в углу, и волшебное чувство исчезло. Гадость и предательство... Радость от триумфа была испорчена. Словно кто-то провел грязной пятерней по новому концертному платью.

Леля порвала газету на мелкие кусочки и с остервенением бросила их в картонную коробку, забытую кем-то в углу примерки. Она покраснела, по щекам текли слезы. Леля случайно увидела свое отражение в зеркале и с омерзением отшатнулась. Неужели это всклокоченное, озлобленное существо – Ольга Рябинина, которой только что аккомпанировал большой симфонический оркестр и аплодировали сотни слушателей? Нет, это ее жалкий двойник, и он должен исчезнуть. Настоящая Леля справится с ситуацией, она сильная. Все, хватит, пора домой, отдохнуть и отсыпаться...

Леля с облегчением плюхнулась в старенькую «девятку» рядом с Раечкой, которая предложила подружке, измученной событиями долгого дня, подбросить ее домой. Леля провалилась в сон и открыла глаза возле своего подъезда.

Антон понимал: оправдываться перед женщиной – самое неблагодарное дело. Особенно если ни в чем не виноват. Чем активнее он будет доказывать Леле свою непричастность к проклятому снимку, тем хуже станет выглядеть в ее глазах. Надо переждать, исчезнуть, залечь на дно. Пускай Леля ощутит пустоту рядом с собой и затоскует. Все-таки он занимал не последнее место в ее жизни, они были близки... Леля не из тех девушек, которые постоянно меняют увлечения, а он, Антон Смирнов, умеет ждать. Время и не такие головоломки распутывает, вот оно все и расставит по местам. Рано или поздно Леля сама позвонит ему. Надо только уметь ждать.

Приняв это непростое решение, Антон с головой ушел в работу. Каждый день он срывался на задания, сдавал статью за статьей, коллеги и начальство с удивлением отмечали, что стиль его письма стал более жестким и более острым. Дня не проходило, чтобы редакционные акулы не подлавливали его в курилке, требуя объяснений разительным переменам. Лишь Ленка Кузнецова не задавала вопросов и поглядывала на него сочувственно, даже жалостливо. Это Антону как раз не особенно нравилось. Не хватало еще, чтобы его, признанного редакционного мачо, жалели такие пигалицы, как рыжая Ленка. Впрочем, в редакции, заполненной завистниками и недоброжелателями, иметь верного друга даже женского пола было совсем неплохо. Антон порой сравнивал ее с Лелей. Сравнения всегда были в пользу любимой. Та – небожительница, живет искусством, порой улетает даже от него,

Антон, в свои небесные дали. И хороша так, что мурашки бегут по коже, когда он вспоминает о ней. Любые мелочи: сгиб ее локтя, поворот головы, каждый пальчик, словно выточенный под клавиши рояля, – рожают у него восхищение и желание. А Ленка – совсем другое дело. Веселая, земная, заводная – такая понятная, обычная и симпатичная девчонка. С ней можно закрутить интрижку, но отнюдь не такой красивый роман, как с Лелей, – один на всю жизнь. Да и вообще, они настолько не похожи! Леля – академически-строгая, любит только классическую музыку, признает лишь серьезную литературу и театр. Да что там говорить: даже одеваются они по-разному. Леля – в изысканные платья и сарафаны, длинные юбки и романтические блузки, обожает шали и шляпки, носит длинные черные пальто с длинными шарфами и высокими ботинками. А Ленка всегда в джинсах, спортивных рубашках, куртках и кроссовках. Словом, роковая женщина – это сказано точно не про Кузнечика. В нее он никогда бы не смог смертельно влюбиться – так, как в Лелю. А впрочем... Короткая летняя интрижка еще никому не вредила. Может, Ленкин спортивно-мальчишковый стиль – только маска? Не монахиня же она, в конце концов. Он, Антон, увы, сейчас свободен. Обета верности никому не давал. Похоже, и у Ленки никого нет. Может, приударить за ней? Так просто, для развлечения. Тем более девчонка симпатичная. Слава богу, у них в редакции к подобным историям относятся снисходительно. Мол, дело молодое, люди сходятся,

расходятся, лишь бы работе не мешало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.